

Обитые чёрнёным железом ворота, угрюмые стены из серого кирпича — всё здесь дышало суровой надёжностью. Тюрьма и должна выглядеть именно так, внушая трепет.

Дин Тянь удовлетворённо кивнул и налёг на тяжёлую створку.

Дверь оказалась неподъёмной. Пыхтя и упираясь изо всех сил, юноша возился с ней добрую минуту, пока ворота наконец неохотно не поддались, со скрежетом приоткрывшись. Судя по толщине досок, одна лишь эта преграда могла бы сдержать натиск пары десятков бунтовщиков.

Сразу за воротами высилась глухая защитная стена — заградительный экран, оставлявший свободным лишь один узкий проход, спроектированный так, чтобы исключить любую возможность побега. Ступив во внутренний двор, посетитель попадал в лабиринт переходов с четырьмя крутыми поворотами и пятью промежуточными дверьми, который в итоге выводил в длинный сквозной проход шириной чуть больше метра. По обе стороны этого мрачного коридора должны были тянуться приземистые камеры для мелких воришек и смутьянов. В самом тупике, у южной стены, коридор резко сворачивал на восток — туда, где располагалось крыло для особо опасных преступников, приговорённых к казни.

Внутренняя тюрьма напоминала традиционный замкнутый дворик. С востока, запада и юга тянулись ряды обычных камер, а на северной стороне высились два обособленных строения. Там обустроили женское отделение, где содержали преступниц, приговорённых к смерти и ожидавших этапирования.

Словом, образцовое узилище, устроенное по всем правилам.

Дин Тянь успел хорошенько покопаться в памяти прежнего хозяина тела, а потому неплохо представлял себе планировку — тот когда-то бывал в старой уездной тюрьме. Однако стоило ему обогнуть кирпичную ширму с намалёванным на ней зловещим иероглифом «Тюрьма», как молодой человек так и застыл с разинутым ртом.

Узилище, темница, место заточения грешников... Каких только суровых картин он себе ни рисовал! Но реальность предстала перед ним во всём своём голом убожестве.

На просторном прямоугольном пустыре сиротливо высились два ряда длинных бараков. Стены у них, к слову, были вполне приличными, высотой никак не меньше двух метров, да только толку от этого? От будущих камер остались одни лишь деревянные остоны. Ни окон, ни дверей — гуляй-ветер!

Внутри царил идеальная, какая-то глумливая чистота, будто здесь только что прошлись веником. О замках, тяжёлых цепях и кандалах не шло и речи, не говоря уже о дыбах или тисках — ни единого пыточного инструмента!

Получается, снаружи фасад на зависть столичным ведомствам, а внутри — шаром покати? Подсунули ему красивую обёртку с гнильцой внутри!

От такой наглости у Дин Тяня перехватило дыхание, а к щекам прилил гнев.

Разве это, к лешему, тюрьма? В этих загонах не то что разбойника — драную курицу не удержишь!

Плюнув от досады, он развернулся, с грохотом притворил ворота и решительным шагом направился на поиски хоть кого-нибудь, кто мог пролить свет на это безобразие. Наружу он выскочил взмыленный и злой, едва не сбив с ног подвернувшегося Линь Ци.

— Это что ещё за шутки с тюрьмой? — с ходу напустился на него Дин Тянь. Он-то прекрасно понимал, что казённое узилище — объект государственной важности, а не проходной двор. — Что тут стряслось?

— А ты разве не в курсе? — Линь Ци округлил глаза, изобразив на лице крайнее изумление.

Собеседник лишь зубами скрипнул:

— И о чём же я, по-твоему, должен быть в курсе?

Линь Ци опасливо огляделся и зашептал ему на ухо:

— Поговаривают, столичное начальство неслабо погрело руки на казне, выделенной под строительство уезда. Наш уездный судья крутился как мог. На фасад денег хватило, а вот обустраивать всё изнутри придётся своими силами.

Дин Тянь даже опешил от такой простоты:

— Своими силами? Это как вообще понимать?

— А вот так. Мы все в складчину трудимся. Свою дежурную канцелярию на собственные кровные до ума доводили, и у тебя та же песня будет.

— Но позволь... Как же так?..

Молодой человек лишился дара речи.

"Это что же получается? Ремонт казённого учреждения за счёт скромного жалованья сотрудников?!"

— Да ты радоваться должен, у тебя ещё хоромы царские! — Линь Ци доверительно похлопал его по плечу. — Твою комнату личный советник судьи буквально изголодавшись отстроил, каждую монету из личных запасов выгадывал. Не подсуетись он, куковал бы сейчас под открытым небом, прямо как мы.

Не успел Дин Тянь переварить эту новость, как приятель огорошил его ещё больше:

— Сам подумай, почему у нас в управе шаром покати и людей раз-два и обчёлся? Всё потому, что казну, присланную на наём служек управы, наш судья до последнего медного гроша пустил на возведение здания управы. Из-за этого у нас сейчас ни главного констебля нет, ни командиров отрядов!

Вот оно что! Вот откуда этот кадровый голод. Людей на бумаге числится уйма, а на деле — пустота. Казённое жалованье уходит на другие нужды... Да уж, классические «мёртвые души» на китайский манер!

В самый первый рабочий день Дин Тянь проникся искренним, почти благоговейным трепетом перед местными чиновниками. Воистину: закон что дышло, а голь на выдумки хитра!

— И что, если я возьмусь за обустройство, есть какие-то предписания или правила? — Дин Тянь устало потёр переносицу.

Теперь-то до него дошёл истинный смысл напутствия уездного судьи, который так слёзно просил его «показать себя в деле». Вот, значит, о каком рдении шла речь!

— Да делай что душевнечке угодно! — отмахнулся Линь Ци, окончательно лишая его иллюзий. — В этом крыле ты сам себе хозяин. Стряпай что хочешь, ни перед кем отчитываться не надо. Главное, чтобы стены не рухнули и функции свои это место выполняло.

Дин Тянь даже воздухом поперхнулся от подобной простоты:

— Погоди-ка... Что значит «сам себе хозяин»?

— Да то и значит, что у тебя в подчинении ни единой живой души нет. Ни тюремных стражников, ни помощников — ты один-одинёшенек на всё узилище. Сам себе и господин, и слуга. Хочешь — хоть свинарник там городи, — хмыкнул приятель с обезоруживающей небрежностью. — Какая разница-то? Всё равно разбойников держать, обойдутся без удобств.

Дин Тянь лишился дара речи.

"Да твою ж мать!"

В эту секунду новоиспечённый надзиратель со всей отчётливостью осознал: его жизненный путь обещает быть не просто долгим, а чертовски тернистым.

<http://bllate.org/book/19387/1988323>